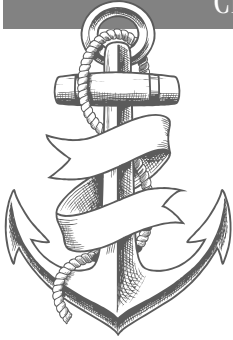

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ВЛАДЕНИЯ
В XV—XIX ВЕКАХ

CHARLES R. BOXER

The Portuguese Seaborne Empire

1415–1825

ЧАРЛЗ Р. БОКСЕР

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ

и ее владения
в XV—XIX веках

ОТ ОСТРОВОВ СЕВЕРНОЙ
АТЛАНТИКИ ДО ЛЕГЕНДАРНОЙ
СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

Москва
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

УДК 94(469)
ББК 63.3(4Пор)
Б78

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Боксер Чарлз Р.
Б78 Португальская империя и ее владения в XV—
XIX веках. От островов Северной Атлантики до ле-
гendarной страны пряностей / Пер. с англ. В.С. Му-
хина. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-519-73315-1

Чарлз Боксер, профессор Йельского университета, автор целого ряда исторических трудов, представляет историю Португальской империи, подчеркивая, что именно португальцы возглавили первые морские экспедиции европейцев. Испанцы, голландцы, англичане, французы, которые последовали за первопроходцами, во многом воспользовались их ценным опытом. Это касалось как искусства навигации, так и навыков общения с народами других вер и другого цвета кожи. Автор анализирует, насколько успешно португальцы перенесли свои основные административные учреждения в новое экзотическое окружение и усовершенствовали их применительно к новым условиям. Автор также обратил внимание на взаимосвязь разбросанных в разных частях света владений империи и самой Португалии, расположенной на самой западной оконечности Европы.

**УДК 94(469)
ББК 63.3(Пор)**

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2020
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2020

ISBN 978-5-519-73315-1

**ПОРТУГАЛЬСКАЯ
ИМПЕРИЯ**
и ее владения
в XV—XIX веках

ОТ ОСТРОВОВ СЕВЕРНОЙ
АТЛАНТИКИ ДО ЛЕГЕНДАРНОЙ
СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

Введение НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Испанский хронист Франсиско Лопес де Гомара в своей книге «Всеобщая история Индий», посвященной императору Священной Римской империи Карлу V (он же испанский король Карл I), описывал в 1552 г. открытие иберийскими мореплавателями океанических путей в Ост- и Вест-Индию, называя его «самым великим со дня творения мира, исключая лишь воплощение и смерть Того, Кто сотворил мир». Прошло два столетия, и шотландский политэконом Адам Смит высказал ту же самую мысль, когда писал: «Открытие Америки и пути вокруг мыса Доброй Надежды — два величайших и наиболее важных открытия в истории человечества».

Даже в наш век космических путешествий многие из нас, включая и тех, кто не является христианами, вполне могут согласиться с тем, что Лопес де Гомара и Адам Смит были не так уж не правы. Самым поразительным фактом в истории человеческого общества еще до наступления эпохи Великих географических открытий португальцев и испанцев была изолированность основных рас человечества. Западноевропейцы, за исключением отдельных предприимчивых итальянских и еврейских торговцев, имели самые общие и отрывочные сведения о великих цивилизациях Азии и Северной Африки. Те, со своей стороны, знали очень мало или совсем ничего о Европе к северу от Пиренеев и об Африке к югу от Судана (за исключением полосы поселений

суахили вдоль восточноафриканского побережья) и не знали абсолютно ничего об Америке. Именно португальские первопроходцы и кастильские конкистадоры с западной границы христианского мира объединили широко разошедшиеся части великой человеческой семьи. Именно они заставили человечество осознать, хотя еще и не ясно, идею его неизбежного единства.

Нам часто говорят, что людям Иберийского полуострова, особенно португальцам, было предназначено свыше совершить морские открытия, которые изменили ход мировой истории в XV и XVI вв. Среди факторов, которые способствовали этому, обычно выделяют географическое положение этих стран, бывших для Европы окном в Атлантику, и отдельные черты их национального характера, сложившиеся в результате их восьмивековой борьбы с маврами. Известный бразильский социолог и антрополог Жилберто Фрейре и его ученики подчеркивали, что длительное господство мавров на полуострове привело к тому, что многие жители-христиане свыклись с тем, что арабы занимают более высокое положение в обществе. Темнокожая мавританская женщина представляла собой завидный тип женской красоты и была сексуально привлекательна, о чем свидетельствует особая популярность народных легенд об «очарованной мавританке» (*Moura Encantada*) или «мавританской принцессе-волшебнице», распространенных среди неграмотного португальского крестьянства. От этих сказаний был всего лишь шаг до терпимого отношения к полукровкам и смешанным бракам. Отсюда привычка португальцев и в меньшей мере испанцев обходиться без всяких запретов в межнациональном общении. Конечно, надо признаться, что столетия борьбы христиан с мусульманами за господство на Иберийском полуострове не были временем одной лишь религиозной нетерпимости и вероисповедных споров. Кастильский отважный воин Сид¹ и его зеркальное

¹ Сид Кампеадор, настоящее имя Родриго Диас де Бивар (р. ок. 1040, ум. 1099) мог вступать в тактический союз с маврами, однако всегда старался их бить. В 1090 г. одержал крупную победу над Альморавидами, что обеспечило испанцам овладение Валенсией. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

отражение — португальский полководец Жералду Бесстрашный (*Sem Pavor*) служили, смотря по обстоятельствам, и христианским, и мусульманским правителям. В XIII в. было время, когда христиане, мусульмане и иудеи могли отправлять свои религиозные обряды в одном и том же храме, например Санта-Мария-ла-Бланка в Толедо, ставшем мечетью.

Во всех этих фактах, конечно, есть своя правда. Прежде всего надо сказать, многие, а в некоторых районах большинство «мавров», которые владычествовали на Иберийском полуострове столь длительное время, были внешне не более смуглыми, чем португальцы, поскольку они были берберами, а не арабами и не «чернокожими маврами». Люди Северной Африки были белыми, составной частью единого великого мира Средиземноморья. Во-вторых, даже если ожесточенная борьба за главенство над полуостровом была отмечена периодами взаимной терпимости, то к XV в. этому пришел конец. Встречи представителей трех соперничавших вер, собиравшихся на свои богослужения в одном храме в Толедо на протяжении нескольких лет, окончились без какого-либо результата. Настоящее сближение христиан и мусульман произошло на Сицилии в 1130—1250 гг. при норманнских королях и их наследнике Фридрихе II Гогенштауфене (р. 1194, ум. 1250), прозванном современниками «*Stupor Mundi*» (Чудо Мира). Во всяком случае, к началу XV в. обстоятельства складывались таким образом, что иберийский христианин, как и его современники — христиане французские, германские и английские, редко упоминал мусульман и иудеев без оскорбительного эпитета. Общим правилом стали ненависть и нетерпимость, а не взаимопонимание, в отношении чужой веры и нации; дух экуменизма, столь распространенный сегодня, в то время блистал своим отсутствием. «Мавры» и «сарацины», как называли мусульман, евреи и иноверцы были обречены, как считали в народе, гореть на том свете в адском огне. Участь их была предрешена заранее.

Религиозная нетерпимость, конечно, была характерна не только для христиан, хотя, возможно, она была наиболее глубоко укоренена в них в сравнении с большинством исповедников другой веры. Но правоверные мусульмане смотрели с

ужасом на всех этих христиан, «становившихся сопричастными Богу», что проявлялось в их почитании Святой Троицы, Девы Марии и (до некоторой степени) своих святых. Почитание святых и вера в знамения, суеверия и чудеса распространились, конечно, и среди мусульман. В XV в. эти практики были особенно близки приверженцам суфийских орденов и мистических братств. Но почитание святых и мест их погребений никогда не приводило в исламе к тем крайностям, в которые часто выливался культ святых и их иконных изображений в христианском мире.

Средневековье в Европе было трудной школой, и слабые ростки цивилизации пробивались столь же тяжело не только в Португалии, но и повсюду. Непокорные и вероломные аристократы и мелкопоместное дворянство; невежественное и инертное духовенство; глуповатые и недалекие, хотя и тяжко трудившиеся, крестьяне и рыбаки; ремесленники и поденщики вместе с городскими низами Лиссабона — все они пять столетий спустя были отображены в романах известного португальского писателя Эса ди Кейроша (1845—1900). Он называл лиссабонскую чернь «фанатичной, развращенной и дикой». Именно из этих классов общества набирались будущие первооткрыватели и колонисты. Тому, кто сомневается в этом, необходимо прочесть труды Фернана Лопеша (ок. 1385 — после 1459), «величайшего хрониста всех времен и народов», как Роберт Саути называет официального летописца продолжительного правления короля Жуана I (р. 1357, король 1385—1433), основателя Ависской династии, который был свидетелем начала португальских морских экспедиций.

С падением в 1249 г. Силвиша, последней твердыни мавров в самой южной провинции страны Алгарви, Португалия обрела свои современные границы. Таким образом, она стала не только первым национальным государством в Европе, но изгнала мусульманских захватчиков с территории своей страны более чем за два столетия до завоевания мавританской Гранады Фердинандом и Изабеллой (1492), ознаменовавшего установление господства Кастилии на остальной части Иберийского полуострова. В позднее Средневековье большинство земель Португалии не использовалось, и по-